

Абдул-Вахит Дадаев вспоминает: Депортация

Абдул-Вахит Дадаев родился в 1936 году в селе Самашки Чечено-Ингушской АССР. 23 февраля 1944 г. вместе с семьей депортирован в Казахстан. В 1960 г. вернулся в Самашки с женой и детьми. Во время первой чеченской воны 1995 года дома Абдул-Вахита и двух его сыновей были разрушены. Были беженцами, жили в Ингушетии и Северной Осетии. Сейчас живут у родственников.

Эшелон

У нас был дом трехкомнатный, первый этаж. Вот. Отца звали Зубаир, а мать звали, этот, Аманта. Абдул-Халим старший брат. Я второй Абдул-Вахит, третий Саид-Хасан, сестра Кайпа.

Работали они. Выращивали картошку, кукурузу, да этот пшеницу этот сеяли. Лошадей были, буйволы были. Жили хорошо до высылки.

Этот был слух, что чечены этот не хотели воевать, вот, доносили до Иосиф Виссарионыч Сталина и он этот кабардино-балкар, карачай-черкес, чечен-ингуш - всех нас выслали за то, что этот не служили, не воевали. По слухам так я слышал и от стариков. Ну, я пацаном был.

В 44-ом году нас выслал Казахстан Талды-Курганский обл/, Талды-Курганская область Алакульский район, село Майское. Мы там 13 лет жили.

(А.К.): Вы помните, что в этот день произошло?

(А.Д.): В тот день этот... нас этот.. всех под автомат, сперва мужиков, отца-отцов забрали, посадили в телячий вагон. Потом женщин легко с детьми, потом женщин с детьми на вагон. Этот, и 18-ть суток мы ехали до Казахстана на телячьим вагоне. Помню, вот, кричали через окно, вот. На этой ветке наш эшелон, а на рядом, на другом ветке второй эшелон, через окно кричали: «Откуда?» - «Мы с Ачхой-Мартана, Самашки», со всех этот сел. И кричали, этот с Гудермеса, этот с Аргунов – ихний эшелон. Эти я помню.

(А.К.): Вы ехали 18-ть дней и чем вас кормили в эшелоне?

(А.Д.): 18-ть суток. Этот верблюжий, говорили, мясо, там суп, вот такие. По, по сто грамм и то не было мяса, суп с рисом тоже, с овсом, с пшенкой, вот таким образом, и хлеб выдавали по 200 грамм.

Мама ничего не взяла, не дали. Нас.. шестеро детей, вот. Младший братишка за руку, а я этот старше его, потом старший брат тоже этот, лет 14-ть ему, а мне 8-мь, вот таким образом. И сестра тоже Кайпа молодая, маленькая. Ну, она не успевала ничего взять. Кругом горе, вот. С детьми ни этот, что делать она не знала. Детей бросить нельзя.

Еду тоже не брала она, не давали брать. Под автомат, овчарки, вот, всех выгоняли: «Ключ отдайте, закройте на замок». Ключ даже забирали.

(А.К.): Но вместе ехали и женщины, и дети, и мужчины – все в одном вагоне?

(А.Д.): Да, да, да.

(А.К.): И эшелон останавливался днем?

(А.Д.): И днем и ночью останавливался. А у нас обычай стеснительный, вот. Мочевой пузырь лопнул, 15-летний одна девушка умерла и этот одна женщин пожилая тоже умерла, там параша этот, стеснительный, вот, умирали. Одна женщина умерла, а грудной ребенок после смерти грудь сосала, все помню я в вагоне. Вот. Трупы этот... не успевали в каждом станции этот, как умер человек, так и этот.. высаживают, на станции забирали трупы, если у его есть сыновья или там жена, этот дочь – она хочет, плачет, выходить тогда, похоронить отца или мать. Они этот... как его? Не пускали, не открывали двери и этот запрет было выходить. Вот таким образом труп они и в воду бросали и в снег закопали, кто знает, кроме бог. Вот таким образом было. Жестокое наказание

ЖИЗНЬ В КАЗАХСТАНЕ

Дальше нас этот распределили по этот, это по квартирам, а там же казахи жили и русские редко жили. «Этот семью я забираю», - казахи говорили. «Этот семью я забираю», казахи говорили, вот таким образом, к себе забирали.

Ну, например, этот мы в одном доме, этот хозяин забрал, в другом доме другой хозяин забрал, таким образом, сто двадцать-сто пятьдесят чеченов жили в одном колхозе, там быки, на быках пахали, сеяли и пшеницу, кукурузу, картошку, вот таким образом,

...они помогали нам, то чашку, то кружку, то спички, дрова, в общем, они этот... мусульмане, мы тоже мусульмане, помогали этот казахи.

Они говорили, что у нас кровь одна, вера одна, Коран один, только этот разница в языках, но жалели, помогали.

Война, кругом этот голод, холод. Там не то, что на Кавказе климат. Там холодно, в Казахстане. Умерли многие чечено-ингуши от голода, от холода. Ну, хорошего ничего не видели мы в Казахстане. Почему, потому что они сами были голодные, казахи. Кругом война.

Там этот старший, на два года меня, его звали Тахир, он от голоду умер. Люди этот там, и казахи траву кушали, лебеда, всякий этот... названий я не знаю, но траву кушали, опухали животы, умирали, большинство дети, старики, старухи. Голод было, хорошего мы ничего не видели в Казахстане.

Дальше района нельзя было ехать. Каждый месяц надо отмечать, расписаться, вот. Комендант приезжал с района и отцы и матери расписывались. Этот дальше района нельзя было выезжать. Охрана.

Я там учился на казахский языке, русский/, эта, русская школа не было. Окончил 9 классов на казахском языке. Работал шофером, сперва трактористом. Там женился, там исполнилось 20 лет. Когда исполнилось 20 лет, я женился, а теперь пятеро сыновей, трое дочерей.

(А.К.): Какие правила жизни вы всегда соблюдали в Казахстане?

(Б.Б.): Чеченские.

(А.К.): Чеченские.

(А.Д.): Уважать этот старшего надо, во-первых, вот. Если он несет что-нибудь, два ведро... или старуха, это подросток должен помочь, взять два ведро, вот, где она живет, куда надо отнести, надо отнести. Не надо перейти дорогу старшему, вот. У нас такие много, многие по обычаю, уважение стариков, старуха, помогать друг другу: если дом строят этот на помощь все это идут, если мажут до/, дом и этот помогают, помощь.

Возвращение

Потом разрешили, этот, на свою родину возвратиться. Никита Сергеевич Хрущев дал указ вот, все чечено-ингушей возвратить вот, на свою родину и восстановит Чечено-Ингушский автономный республику. А 56-ом году. А в 57-ом году все чечены, ингуши выехали из Казахстана на свою родину.

(А.К.): А то хозяйство, которое у вас осталось вот в Талды-Кургане в колхозе, ваш дом и, наверное, еще хозяйство какое-то было, как вы с ним поступали?

(А.Д.): Там этот.. все дешевле. И так даром оставляли. Мы ж там жили не вечно, а временно. Себе временки, эт/, землянки там... жили это как попало. И никто не покупает, раз не покупает, так и этот, пусть остается даром, кто хочет – пусть живет.

(А.К.): Скажите, в вашей семье есть что-нибудь, какая-нибудь вещь или предмет, которая у вас осталась от отца, вот от прежней жизни до депортации? Что-нибудь, которое хранит память...

(А.Д.): Коран есть...

(А.К.): ...о вашем отце?

(А.Д.): Коран есть.

(А.К.): То есть, когда вас депортировали, отец взял с собой Коран?

(А.Д.): Угу... угу.

(А.К.): И эта книга хранится у вас дома?

(А.Д.): Да.

(Б.Б.): Больше ничего, да?

(А.Д.): Больше ничего.

(А.К.): Скажите, а вот день 23-е февраля, который всегда был день Советской армии...

(А.Д.): Да?

(А.К.): Как вы встречали этот день вот у себя дома?

(А.Д.): Это...у нас, как сказать это? [Волнуется.] Похоронный день считался, черный день. В каждом доме слезы, воспоминания. [Пауза.] Лучше не спрашивайте, я не могу. Вспомнить даже не хочу. Страшно. Страшно было.

(А.К.): Скажите, вы всегда хотели вернуться, не думали остаться в Казахстане?

(А.Д.): Да, мы этот, и сейчас рад бы, рады были б, если жили этот в Казахстане до, до сегодняшнего дня.

(А.К.): Почему?

(А.Д.): Потому что этот, там нажитья можно в Казахстане, а вот [Откашливается.] после две войны, вот в 96-м году, в девяносто... в 95-м, в 96-м году до 2002-го года очень это многие погибли чеченцы и дома разбиты. Тяжело жить на Кавказе.

В общем, ничего я не видел хорошего. Нервотрепка, беспокойствие, вот. Зачем этот нужен война, кому этот нужен война? Например, у меня пятеро сыновей, трое дочерей, мне разве их не жалко? Жалко же. Пушкин. тоже писал: «При солнышку тепло, при матери добро, нет лучшего дружка, чем родимая матушка». И [Откашлявшись.] мои сыновья смотрят на отца, на матери, вот. Бледным образом. Им жалко... [Откашливается.] Отца и мать, мать жалко, им тоже беспокойствие.

А сейчас, после войны, охота этот... чтоб построить дома... пожить этот... с семьей хоть мало или много, вот, мирным путем без войны, охота вокруг семьи пожить.

Сценарий:

Алена Козлова, Ирина Островская (Мемориал - Москва)

Оператор:

Андрей Купавский (Москва)

Монтаж:

Себастьян Присс (Мемориал - Берлин)

Йорг Сандер (Sander Websites - Берлин)

© Международный Мемориал 2011